

К.С. Мережковский

Приложения к сказке-утопии

Прогресс отвратителен

Есть идеи, которые полновластно и бесконтрольно царят над умами людей в течение целых десятков лет, иногда столетий, даже тысячелетий. Они всасываются в кровь младенцев с молоком матери, с первых жизненных шагов прочно и навсегда укрепляются в умах, передаются из поколения в поколение, делаются почти что наследственными; никто их не анализирует, никто не критикует, они считаются понятными сами собою, как бы аксиомами, не требующими доказательств. Такова, например, идея прогресса. Считается общепризнанной истиной, несомненной, незыблемой, что прогресс, всюду существующий, есть нечто великое, благородное, нечто такое, перед чем мы должны благоговейно преклоняться, к чему мы должны стремиться всеми силами, что в применении к человечеству он есть нечто в высшей степени желательное, ибо ведет ко благу.

Рассмотрим эту идею и сделаем, если можно так выразиться, нравственную оценку ее.

Всякое развитие и совершенствование есть процесс, сам по себе трудный, болезненный, мучительный, полный страдания, ибо развитие есть не что иное, как приспособление к новым условиям, приспособление же значит ломание прежней своей природы, ломание же природы значит страдание. Конечно, это применимо только к органическому миру, ибо неорганический, по-видимому, себя не сознает. Но, посмотрите, каким мучительным путем совершенствуется и развивается этот многострадальный органический мир. В основе развития его лежит борьба за существование, борьба не на живот, а на смерть, борьба, ведущая к переживанию способнейшего, следовательно, к насильственной, мучительной гибели менее совершенных, хуже приспособленных. И эта борьба, если ее анализировать, окажется гораздо ужаснее, чем звучит само это слово, к которому мы уже так привыкли. В течение миллионов лет тянется она неустанно, безостановочно, и в течение каждого года, каждого даже дня происходят миллионы, - что я говорю! - миллиарды таких ожесточенных единоборств, и каждое из них есть не что иное, как безжалостная драма, кончающаяся мучительною смертью существа чувствующего, одаренного нервами и в этой борьбе или растерзанного другим существом, или замученного голодом, холодом, жаждой, болезнями. Подумайте, каким ужасно мучительным, трагическим путем совершается это медленное шествие организмов к совершенству, к прогрессу, сколько невыносимой боли и страдания сопровождает каждый, самый малейший, едва заметный шаг в этом направлении: воистину, боли и страдания каждый раз бывает гораздо больше, чем того стоит самый этот шаг.

Вы скажете, что страдания эти у животных, особенно низших, не так велики, как кажутся, ибо степень их сознания слаба. Да, но зато какая их неизмеримая масса происходит ежедневно, а дней ведь в году 365, а годов этих протекли уже миллионы! Сложите же все вместе и посмотрите, какая страшная гора страданий от этого получится! - вершина ее исчезнет в выси беспредельной! И, потом, не забудьте, что чем высшей степени совершенства достигает организм, тем страдания его делаются все сильнее и сильнее, все сознательнее и сознательнее. Я думаю, если вы раздавите ногой червяка, то он будет испытывать боль, довольно сильную даже на нашу человеческую мерку, а собака едва ли меньше способна страдать, чем человек.

И тут мы наталкиваемся на закон природы - ужасный, способный, если в него вдуматься, смутить всякого поклонника прогресса и отшатнуть от этого, по-видимому, столь величественного явления природы всякого, имеющего сердце в груди. Заметили ли вы, что только что было сказано: чем высшей степени развития и совершенства достигает организм, тем яснее его сознание, а следовательно, тем сильнее испытывает он всякое мучение, всякую боль. Количество объективного, если так можно выразиться, страдания, сопряженного с процессом развития и совершенствования, одинаково для всякого организма: и инфузория, совершенно так же, как и рыба, и собака, гибнут в борьбе за существование, замерзают от холода, голодают от недостатка пищи, съедаются другими, более совершенными организмами, а если и живут, то находятся в состоянии постоянного мучительного опасения погибнуть. Но так как инфузория едва только различает свое страдание, рыба сознает его неизмеримо яснее, а собака еще неизмеримо яснее, то субъективное страдание, то есть способность воспринимать голод, холод, болезни и проч., у разных организмов весьма различна; и что ужаснее всего: это страдание тем сильнее, чем совершеннее организм, чем больше он прогрессировал. Но понимаете ли вы, что это значит? Это значит, что вместе с прогрессом в органическом мире увеличивается количество страданий. Прогресс сам по себе мучительнейшее явление, но чем он подвигается дальше вперед, тем он

становится все мучительнее и мучительнее - вот закон природы, ужаснейший, уродливейший из ее законов! И перед таким подлым законом люди благоговеют, перед этим кумиром, пожирающим столько жертв, люди преклоняются, считают его чем-то желанным, почитают его за величайшее благо, расчищают даже перед ним путь, иногда с величайшим самоотвержением!

Не странно ли такое отношение к этому кумиру? И откуда оно? Что это означает? Есть ли это проявление безнравственности человеческой природы, или это продукт непонимания сокровенной сути явления?

Я думаю, что тут есть и то и другое, и думаю, что люди недостаточно чутки к чужим страданиям и что люди недостаточно вдумываются в сущность прогресса.

Обыкновенно прогресс представляется в своем праздничном наряде! И каким он тогда действительно кажется красивым и интересным, какие удивительно мудро и целесообразно у него устроенные органы; а одеяние его все соткано из блестящих, разнообразно окрашенных, переливающихся всеми цветами радуги перышек, а шея и грудь его украшены великолепным ожерельем из крупного жемчуга,* (*Жемчуг болезнь раковины!*) не налюбуйешься, не надивишься! Придешь в невольный восторг и преклонишься перед этим красивым кумиром!

Но снимите с него его красивое внешнее одеяние и посмотрите на него обнаженного, на сокровенную сущность его: какими ужасными, зияющими ранами покрыто все его исхудалое тело, и из этих ран сочится кровь и гной, а бледное лицо его все подернуто корчами от нестерпимой боли, ужас насильственной смерти на нем написан! И чем дальше он идет вперед, подгоняемый свистящими ударами бича - бича нужды, голода, страха смерти, - тем раны его раскрываются шире, гной и кровь из них сочатся сильнее, тем ярче на его лице написаны корчи муки. И тогда вы отвернетесь с чувством отвращения от этого гнусного и мучительного зрелища и воскликнете: не надо нам прогресса, если он так ужасен!

А он таков и есть: я ничего не прибавил и ничего не преувеличил.

Цель прогресса, может быть, и прекрасна, по средство ужасно, возмутительно!

А человек? спросите вы. Но разве человек не такой же организм, как и всякий другой, разве он не подчиняется тем же самым неизбежным законам природы? Разве и он не прогрессировал, не совершенствовался, не усложнялся, и разве не те же самые мучительные и глубоко возмущающие нравственное чувство приемы применяла для этого природа? Позднее к этим биологическим приемам насилия прибавился еще один, антропологический, - самоусовершенствование, то есть ломание своей природы, добровольное насильствие человеком самого себя, но как раньше, так и всегда прогресс для человека был, есть и будет беспрепятственным рядом мучений, и только страдания и мучаясь, совершенствовался он, и чем он более совершенствовался и развивался, чем более утончались и усложнялись его ум, его чувства, его воображение, тем разнообразнее, тоньше и мучительнее становились его страдания. В то время как человек-дикарь был мало чувствителен даже к физической боли, в то время как целая масса страданий высшего порядка - умственных и нравственных - были для него совершенно неведомы, человек цивилизованный кроме физических страданий, которые он чувствует сильнее дикаря, осужден испытывать и вторые, еще более тяжелые и мучительные, чем физическая боль. И среди человечества, следовательно, как и среди животных, действует этот ужасный, возмутительный закон природы - закон прогрессирующего страдания.

И тут я позволю себе изобразить картину, которая предстала однажды в моем воображении с поразительно яркостью красок и отчетливостью форм.

Я увидел высокую, крутую гору, ярко освещенную лучами солнца, с бесплодной почвой, покрытой камнями и лишенной растительности; и чем выше подымалась эта гора, тем круче становились ее склоны. И она была так высока, что вершина ее терялась в беспредельном пространстве. На склоне этой горы я увидел странную, гигантских размеров колесницу, выкованную из золота и серебра, причудливой формы, не лишенной красоты; она была так велика, что целый небольшой городок мог в ней поместиться. И эта колесница была вся тяжело нагружена всякими вещами, и какими странными вещами: тут были и фабрики с длинными трубами, и дома всевозможных размеров, церкви со шпицами и позолоченными куполами, каменные крепости, пучками связанные пушки, каждая весом в несколько сот пудов, стальные броненосцы, всевозможные машины, библиотеки с миллионами томов, тут были и статуи, и картины, и мебель, и все это нагромождено было в беспорядке, *rele-mele*, образуя высокую гору, как на возах, перевозящих домашний скот с квартиры на квартиру. Страшный груз! как только колесница выдерживала его! Но и она была массивна и прочно построена. И в эту колесницу впряжена была многочисленная толпа людей, мужчин, женщин и даже детей, и люди эти видимо напрягали все свои силы, чтобы тащить эту тяжеловесную колесницу, жили на их лбах раздувались от натуги, пот крупными каплями капал с покрасневших лиц. И так, надрываясь, кряхтя и потея, медленно, но неустанно тащили они колесницу вверх в гору, все выше и выше, и чем выше они подымались, тем труднее становилось ее тащить; а по дороге они подбирали лежавшие там и сям предметы: машины, строения, большие груды золота и серебра в мешках, железа и меди в слитках и накладывали все это в повозку. И не мирно тащили эти люди свой груз,

а ссорясь, ругаясь, толкая и давя друг друга; иные вступали в отчаянную драку, вцепляясь друг другу в волосы, кусая друг друга, сильные били слабых руками, ногами, чем попало, стоны, крики, ругань стояли в воздухе, сливаясь в какой то зловещий гул. А по сторонам колесницы и толпы, ее везущей, носились в воздух какие-то странные гигантские существа с не совсем ясными очертаниями и ударами бича подгоняли толпу, и горе тому, кто попадался под этот бич: красные кровавые полосы оставлял он на лице или на теле. И так трудно было вести эту повозку под палящими лучами солнца, по неровной каменистой почве, что иные, видимо, выбившись из сил, садились отдохнуть, но гении, носившиеся по сторонам, тотчас же подлетали к ним и пускали в ход свои бичи, подгоняя уставших, и они, вскакивая от боли, вновь принимались за свою работу; но невыносимая тоска и страдание были написаны на их лицах, и слезы капали из их глаз, смешиваясь с каплями пота. Но большинство тянуло - хоть через силу, а тянуло, опустив головы вниз, с отупелым взглядом, не оглядываясь ни по сторонам, ни вперед, ни назад; они, очевидно, не понимали даже, что делают, одно они ясно понимали - что тяжело ... ужасно тяжело ... Но некоторые по временам оглядывались назад и, с видимым восторгом любясь на колесницу и ее груз, восклицали: ура! вперед! и вновь со всею энергией налегали на ляжку. Несколько молодцов, очевидно похитрее других и по большей части с еврейским типом лица, взобрались на спины своих товарищей и, сидя у них верхом на шее, подгоняли их хлыстами с криками: вперед! и помахая маленькими флагами с надписью крупными буквами: да здравствует свобода!

Я оглянулся назад на пройденное расстояние и ужаснулся картине, которая представилась моему взору: позади колесница оставляла страшный след - целые потоки пота, слез и крови, местами скоплавшихся в лужи, ряды полураздавленных трупов, валявшихся в одиночку и группами, а дальше позади след, извиваясь лентой, обозначался рядом костей и скелетов, побелевших под лучами солнца...

Но что это впереди колесницы и толпы людей? Точно какое-то розовое облачко, то почти исчезающее, сливаясь с голубым небом, то становящееся все ярче и ярче, принимая все более и более определенные очертания. О! я теперь вижу, что это такое, вот оно опять принимает определенный образ, приближаясь к толпе... О, что за прелесть, о, что за чудное видение! - это неописанной красоты женское существо во всей прелести молодости и грации: оно носится в воздухе, медленно подвигаясь вперед, то отлетая от толпы и тускнея, почти исчезая, то опять приближаясь к ней, маня движением рук, взоров и улыбкой толпу людей к себе. Но что это была за улыбка! - хитрая, полная холодной насмешки и в то же время бесконечно прекрасная и соблазнительная. И многие из людей, очевидно, видят это чудное видение, взоры их впиваются в него, они простирают к нему руки, они стараются схватить его, но оно не дается им и опять отлетает дальше вперед, и опять тускнеет...

Я подошел к одному из гениев, хлеставших людей, и спросил его, что это люди везут. Холодным, бесстрастным взглядом посмотрел он на меня и ответил:

- Цивилизацию.
 - А что это за чудное существо летает впереди людей?
 - То - Призрак Счастья.
 - А вы кто?
 - Законы Природы.
 - Зачем же вы так мучаете людей, отчего не дадите им отдохнуть?
 - Мы этого не можем. Наша задача - безостановочно подвигать колесницу вперед.
 - Куда же они ее везут?
- Гений показал вверх, на вершину горы, теряющуюся в выси беспредельной.
- Что же там наверху?
 - Неизвестно.
 - Для чего же нужно с такими страшными усилиями везти эту колесницу вверх?
 - Я вас не понимаю. Но отойдите, вы мне мешаете.

И, отвернувшись, он принялся опять хлестать людей.

Ужас и тоска сдавили мое сердце, и я открыл глаза, чтобы не видеть больше этого видения.

Вот вам прогресс в человечестве. Правда ужасен? А он таков и есть: и тут я ничего не прибавил и ничего не преувеличил.

Тяжело бремя прогресса, так тяжело, что давно люди бросили бы тащить его вверх в гору, все выше и выше, неведомо куда, неведомо зачем - если бы не неумолимые бичи законов природы, неустанно подгоняющие вперед сильных, безжалостно забивающие насмерть слабых: и если бы не призрак счастья, своей коварной улыбкой манящий людей к себе.

Страданием прогресс держится, страданием он подгоняется, страдание - его единственный результат. Слезы и кровь, трупы и скелеты - его след.

Страдания заставляют человека совершенствоваться, подыматься в гору, а совершенствование заставляет человека еще более страдать - и в этом круговороте заключается вся мрачная сущность истории человечества!

И все это так верно, что стоит только представить себе органический мир, не исключая

человечества, переставшим бороться и страдать, на время успокоившимся и наслаждающимся невозмутимым счастьем - как тотчас же, в тот же миг, как дым, исчезнет и прогресс: он сделается даже прямо невыносимым. Страдание - вот что вызывает прогресс, счастье - его немедленно останавливает, вызывая застой. Таков уродливый закон природы. Что ж, если он вам нравится - поклоняйтесь ему. Мне он кажется отвратительным.

Положим, скажете вы, прогресс в органическом мире есть действительно тяжелый, мучительный процесс - этого отрицать нельзя; но зато каких он достигает удивительных результатов, что он только не творит!

Что он творит? Что он такое создал? Человека?! Существо, способное мучиться как ни один червяк, как ни одна курица, ни одна собака. Есть чему радоваться! Есть чем восхищаться. Но вы можете упрекнуть меня в односторонности взгляда, вы можете сказать: с усилением прогресса, правда, сильнее чувствуются страдания, ибо яснее делается сознание их. но поэтому же самому яснее делается сознание и наслаждений, последние становятся и разнообразнее, и интенсивнее в той же мере, в какой делаются разнообразнее и интенсивнее страдания.

Да, это верно, но уввы. какое это плохое утешение, если разобрать его! В сознании живых существ, говорите вы, в одинаковой мере выдвигаются из океана небытия как радости, так и страдания - тут нет ничего утешительного. За радости - спасибо, но на что же страдания? Их нам не надо, а если одно получить без другого нельзя, то лучше не надо ни того, ни другого, от усиления обоих не получается никакого преимущества, напротив, в итоге получается прямой и весьма значительный ущерб: ибо усиление страданий влияет гораздо сильнее в отрицательную сторону, чем усиление радостей в положительную. И в самом деле, подумайте хорошенько и ответьте на вопрос: согласны вы были бы испытывать в 100, в 1000 раз больше радостей, чем теперь, но с тем условием, что вместе с этим и все физические боли, муки предсмертной агонии, все нравственные огорчения, все обиды, все страхи, все это вы будете ощущать также в 100, в 1000 раз интенсивнее и яснее, чем теперь? Но подумайте хорошенько, ибо вопрос этот очень важен, представьте себе со всею возможною ясностью, что заключается в этих словах: в 100 раз сильнее испытывать всякую радость, всякое наслаждение, но и в 100 раз сильнее мучиться от всякого огорчения, в 100 раз сильнее мучиться от всякой боли. Хотите вы этого?

И вы, конечно, воскликнете: нет, не хочу этого! Бог с ними, с радостями, которые нужно покупать такой ужасной ценой! Я, по крайней мере, с ужасом и негодованием отказываюсь от такого предложения.

Но если вы так решите этот вопрос, то знаете ли, что вы этим самым решили? Вы решили, что прогресс отвратителен, вы осудили его, вы отвернулись от него. И вы будете правы, ибо если он и приносит с собой радости, то радости эти - жестокие радости.

Неизбежен ли прогресс в человечестве

Но, скажете вы, что толку возмущаться против прогресса; хорош он или нехорош, желателен или нежелателен в человечестве - раз это закон природы, приходится волей неволей подчиниться ему, ибо как таковой он неизбежен.

Неизбежен! Так ли это в самом деле? Не есть ли это опять одна из тех общепризнанных идей-аксиом, обязательных только в силу своей общепризнанности, идея девственная, как девственная почва, никогда не обработанная плугом? Нельзя ли эту почву поднять, пропахать плугом анализа и критики? Попытаемся это сделать и посмотрим, какой тогда вырастет на этой почве плод.

В течение бесчисленных миллионов лет природа, вселенная, видимая нашим взором физическим и умственным, не переставала развиваться, то есть усложняться под влиянием непреодолимых условий, в нее самое вложенных, - "в силу вещей". Из однородной туманной массы выделились небесные тела, сами выделившие на своей поверхности всевозможные тела твердые, жидкие и газообразные. Из однородной первобытной протоплазмы, образовавшейся из этих последних, выделились всевозможные организмы растительные и животные, все более и более совершенные, все более и более сложные. Появился, наконец, царь природы - человек и его дух, сначала тоже очень простой, несложный; но как дух, так и проявление его в виде материальной его жизни на земле, то, что мы называем цивилизацией, медленно, но неудержимо шло, все прогрессируя, развиваясь и усложняясь. Таков закон природы, столь могучий, столь распространенный всюду, что, по-видимому, он и неизбежен всюду.

И для природы совершенно безразлично, развивается ли она, усложняется ли она или нет, от этого ей ни лучше, ни хуже, ибо она себя не сознает. Прогресс в природе является силой, неизбежно стихийной, то есть неудержимой, всемогущей и в то же время неразумной, слепой, неведомо куда влекущей и ни с какими целями, а тем более с благом не справляющейся. Но таковым прогресс является только во внешнем мире, как неорганическом, так и органическом, в мире, себя не сознающем; только здесь может он считаться стихийной и бессознательной силой. Не так для человеческого духа, себя сознающего. Дойдя до этого пункта, создав в своем слепом,

бессознательном и бесцельном шествии человека, доведя дух его до степени самосознания и разум до степени понимания самого процесса, его создавшего, прогресс дошел до критического для себя момента - момента, самого важного во всей истории вселенной. Он пришел в состояние, в котором еще никогда перед тем не находился: в человеке прогресс сам себя впервые сознал, он сам себя открыл - и в удивлении остановился перед этим открытием, остановился - и задумался: он понял, что создал себе врага, с которым ему трудно будет бороться, который может даже его пересилить и побороть.

Вот этот-то элемент самосознания, эта способность человека понимать законы, которые им управляют, является совершенно новым фактором, не существовавшим доселе ни в одной сфере природы, фактором, который существенно отличает явление прогресса в человечестве от всех других явлений его в природе. Туманная масса прогрессирует, но она не знает этого, земная кора прогрессирует, растения, животные, первобытный человек прогрессируют; но никто из них не сознает этого, никто даже не подозревает, что они прогрессируют. Один только цивилизованный человек знает и понимает это, и это понимание ставит его в совершенно новое, исключительное положение. Его прогресс поэтому уже не одно и то же!, что прогресс всего остального мира.

К этому присоединяется еще другое, столь же существенное отличие. Пока прогресс работал в неорганическом мире или в несознающем и непонимающем себя органическом - он действовал бессознательно, стихийно, но когда процесс развития коснулся человека, когда он создал и его внутренний мир, и внешнюю материальную сторону человеческого существования, то тут получилась следующая весьма существенная разница. Ведь материальная сторона жизни человеческой, то, что мы называем цивилизацией, есть, главным образом, результат его духовной стороны, вытекает из последней, а следовательно, может или подчиняться духу, или нет. Если она не подчиняется ему - то и попадает в общую струю вещественного мирового прогресса, и тогда развитие жизни человеческой есть всецело стихийное явление, как движение планет, развитие организмов и т. п. Но ведь в эту жизнь может вмешаться одна из сил человеческого духа, произведенная самим прогрессом, сила могучая, называемая волей, и своей силой ускорить, ослабить и даже остановить стихийную силу прогресса. Эта сила самосознательной воли, что бы она по существу своему ни была, есть также совершенно новый элемент природы, появившийся во вселенной только с появлением человека и нигде раньше этого не существовавший. Неудивительно, что вмешательство этого нового фактора наложило свой особый отпечаток на явления прогресса в человечестве, отличая их от всех остальных явлений прогресса. Камень катится с горы, ручей течет по руслу, дерево растет из семени, но ни то, ни другое, ни третье не могут по желанию остановиться в своем движении. Но человек, спускаясь с горы, вступая в битву, устанавливая законы для своей страны, может, захочет, остановить эти явления или придать им то или другое направление, потому может, что, во-первых, он может их явно сознавать и, во-вторых, он может захотеть сознательно сделать то или другое, смотря по своему желанию. Нельзя себе даже представить, чтобы прогресс внешнего мира - охлаждение туманных пятен и образование из них планет, развитие организмов - мог сам себя остановить, ибо он сам себя не сознает и в нем отсутствует элемент воли. Но можно себе представить, теоретически по крайней мере, что люди сговорятся остановить прогресс в своей жизни, и тогда, если они будут иметь возможность осуществить свою волю, - прогресс неминуемо должен будет остановиться. Как видно, разница в обоих случаях громадная, и эта разница есть результат появления в последнем случае двух новых факторов, раньше в природе не существовавших, - сознания и воли.

Но это еще не все. Прогресс, производя существ сознательных, стал явлением уже не безразличным для этих существ. Для человека не безразлично, развивается ли, усложняется ли он и его жизнь или нет, как безразлично это для минерального мира, для растений, для низших животных; более того, он сознает всю болезненность процесса развития, он сознает, что процесс этот для него не благо, а зло, ибо чем дух делается сложнее, тем жизнь становится для него труднее, и он страдает от этого. А если развитие духа и жизни есть процесс, сам по себе трудный и болезненный, будучи не чем иным, как постоянным ломанием, постоянным приспособлением своей природы к все новым и новым условиям, и если процесс этот в самом своем результате имеет лишь трудность и болезненность, приносит лишь все новые и новые страдания, то естественно, что человек начнет, наконец, относиться враждебно к этому развитию и захочет его остановить.

Итак, прогресс в человечестве отличается от прогресса в остальном мире тремя существенными чертами: 1) он перестает быть явлением бессознательным и становится явлением сознательным или, точнее, - сознанным, понятым, 2) он становится в зависимость от воли человека и этим самым перестает быть явлением неизбежно стихийным, 3) он перестает быть явлением безразличным, а сознается как нечто приятное или неприятное и потому желательное или нежелательное. Становясь в зависимость от воли, прогресс в человечестве перестает быть неизбежным, а будучи сознанным, и притом сознанным как зло, он становится нежелательным. Но раз он нежелателен и не неизбежен, то при благоприятных условиях он может остановиться. Все зависит от воли человеческой.

Можно на это возразить, что и сама воля не может так свободно сговариваться и захотеть остановить процесс столь важный, мировой, охватывающий всю вселенную, и потому, по-видимому, неизбежный и для человека, что сама воля будет неизбежно всегда хотеть прогресса, и потому прогресс в человечестве все-таки так же неизбежен, как и в остальном мире.

И тут мы наталкиваемся на вопрос о свободе воли, вопрос, почти что неразрешимый или, по крайней мере, очень трудно разрешимый. Потому так трудно разрешимый, что наш разум с совершенно такою же ясностью говорит нам, что воля наша не может быть свободной, с какою непосредственное чувство наше заставляет признать ее свободной.* *(Люди обыкновенно разрешают этот вопрос, смотря по тому, доверяют ли они больше разуму или непосредственному чувству.)* Ввиду этого самое лучшее, что мы можем сделать, - это рассмотреть вопрос о неизбежности прогресса в человечестве с обеих точек зрения: с точки зрения свободной и несвободной воли.

Если воля есть нечто самоопределяющееся, если она есть нечто настолько отличное от остальной природы, что не подчиняется ни законам пространства, ни времени, ни причинности, то для человека закон прогресса не писан: хочет он - прогрессирует, хочет - нет. Но если воля не свободна или не вполне свободна, то положение дела, по-видимому, меняется; тогда, по-видимому, прогресс и в человечестве не может быть остановлен, внешние условия будут влиять сильнее воли человечества, не человек их может заставить направиться по своему желанию, а они его, даже наперекор его желаниям. Но это только по-видимому, в действительности же это не так, в действительности мы должны смотреть на дело так, как посмотрели бы юрист или моралист, не признавшие свободу воли. Не признавая ее теоретически, они на практике смотрят на человека так, как будто бы он был ею одарен: один налагает на человека наказания, другой предписывает ему обязанности по отношению к ближнему и к обществу в том предположении, что страх наказания в первом случае и сознание своих обязанностей во втором и будут теми именно мотивами, которые заставят несвободного человека действовать в желаемом направлении. Так поступим и мы. Допустим, что человек не свободен, что всякое решение его воли обуславливается какими-нибудь внешними или внутренними мотивами. Но так как в данном случае существует весьма сильный мотив для желания освободиться от прогресса, сознаваемого как зло, как источник страданий, то под влиянием этого мотива люди могут направить всю силу своего хотения, своей воли, хотя бы и несвободной, на остановку прогресса - и, при случае, остановить его.* *(В этом, мне кажется, и будет состоять процесс, посредством которого период эволюции человечества перейдет в следующий период равновесия, всегда предшествующий третьему периоду - периоду диссоциации.)*

- Итак, смотреть ли на волю как на нечто стоящее вне закона причинности (хотя причинность такая же неизбежная форма нашего сознания, как время и пространство) или считать ее только иллюзорно свободной, на самом же деле несвободной, в обоих случаях прогресс в человеческом обществе вовсе не неизбежен. Он может быть и не быть, смотря по желанию.

Я знаю, что развиваемая здесь мысль о возможности человека силою своей воли остановить течение мировых событий, действовать наперекор законам природы, ими управляющими, покажется странной и неосуществимой. Приведу поэтому пример, из которого видно, что если не все человечество, то некоторая доля его прямо и сознательно идет наперекор мировому закону, старается силою своей воли уничтожить его, устранить применение его к человеческому обществу и до некоторой степени действительно достигает этого.

Я имею в виду закон борьбы за существование и переживание способнейшего. Закон этот проявляет себя всюду, и с особенной силой и ясностью в органическом мире. Здесь не только каждое растение борется со всеми другими, каждое животное со всеми другими, не только борются растения и животные между собою, но каждая часть каждого организма находится в борьбе со всеми другими частями (W.Roux). каждый орган борется с другими органами, каждая клетка со всеми клетками, каждый биофор с соседними биофорами; а в зародышевой плазме каждый детерминант старается взять верх над другими (A. Weismann). От биофоров начиная и до групп организмов, то есть обществ включительно, идет борьба, в которой каждый борющийся старается взять верх, в которой сильный старается затоптать более слабого, и не только старается, но и достигает этого. Даже в неорганическом мире действует этот могучий закон: небесные тела борются между собою, стараясь взять верх друг над другом (Du Pree), и слабые, неприспособленные тела, как кометы, погибают, в то время как более приспособленные планеты продолжают свое, тоже путем некогда существовавшей борьбы приобретенное, невозмутимо спокойное движение.

Но вот появляется человек и говорит: стой, закон! не хочу подчиняться тебе. Ты учишь меня, сильного, бороться со слабыми и затаптывать их, а я хочу - слышишь ли - хочу, наоборот, помогать слабым. И он подходит к слабому, бережно подымает его, кладет на мягкую постель, дает ему лекарства, окружает его попечениями, любовью и заботами, отвозит в теплый климат; он устраивает для слабых приюты и больницы, и когда они несколько поправятся, он дает им более легкую работу, дабы они могли жить потихоньку и получать от жизни свою долю радостей, а детей

его, тоже слабых, окружает особыми попечениями, дает им более питательную пищу, чем другим, более теплую одежду. Он знает, что этим он понижает уровень расы, но он говорит: что же делать, не могу я губить слабого ребенка, не могу я лишать пищи слабосильного, больного ближнего, не могу быть жестоким.

И когда вы, читатель, помогаете ближнему, когда вы заботитесь о своем хилом ребенке, то вы силою своего хотения, силою своей воли сознательно уничтожаете могучий мировой закон природы - закон борьбы за существование. Не удивляйтесь же и не считайте странным, когда я советую людям восстать и против другого мирового закона - закона эволюции, или прогресса, и рекомендую им силою воли остановить его, и не считайте этого невозможным. Захотят люди - и остановят прогресс, и благо им будет!

Я боюсь, что читателю эта глава не понравится; она покажется ему слишком сухой, он найдет ее чересчур отвлеченной. Но пусть он не забывает, что самый предмет рассуждений, что сама сущность вопроса, здесь рассмотренного, отличаются характером в высокой степени отвлеченным. Только таким отвлеченным путем и можно было более или менее удовлетворительно ответить на возражение, поставленное мне читателем в самом начале главы: "что толку возмущаться против прогресса, раз он неизбежен". Я говорю: более или менее удовлетворительно, ибо вполне удовлетворительным ответ будет только по прочтении следующей главы.

Необходимость заговора и насилия

Хорошо, скажете вы, я согласен, что прогресс есть явление, основанное на жестокости, что он далеко не так красив, как его обыкновенно воображают, я готов допустить, что в применении к человечеству он приводит не к увеличению счастья, а лишь к необычайному усложнению жизни и духа, сделавшему и продолжающему делать жизнь для человека все труднее и труднее; по-видимому, вы правы: когда жизнь была проще и сами люди были проще - им легче жилось, жизнь не сознавалась таким бременем, как теперь. Я, далее, согласен, что человек в устройстве своей судьбы на земле зависит от своей воли и что, следовательно, теоретически можно допустить, что он может остановить прогресс в своей жизни, когда он сознает его как зло. Но это только теоретически; а между теоретическим допущением возможности и практическим осуществлением - ведь целая пропасть. Вот почему я думаю, что такая вещь как остановка прогресса, хотя теоретически и мыслима, но на практике неосуществима. Как, в самом деле, может в действительности осуществиться такая вещь, как остановка прогресса? Нет, все это слишком невероятно, слишком неестественно.

Как это может осуществиться? спрашиваете вы. Прочтите мою сказку, и вы увидите, как, Вся она есть не что иное, как практический проект остановки прогресса в человечестве. Проект, смею думать, весьма разработанный и детальный. Вы увидите, что осуществление этой идеи, которое внесет столько мира и успокоения в человеческое существование на земле, возможно не только в теории, но и на практике.

Вы говорите: это невероятно. Да, так, как вы себе это представляете, то есть естественным путем, путем соглашения всего человечества - это невероятно. Но если иметь в виду метод, примененный обновителями, или покровителями, человечества, то то, что, на первый взгляд, казалось невероятным и неосуществимым, перестанет казаться таковым. Метод этот - заговор и насилие.

Если предоставить события собственному своему, естественному течению, то может ли само собою остановиться развитие и усложнение органической жизни? Пока эта жизнь будет жить - очевидно нет, ибо естественное состояние жизни, как и всякого бытия, - это непрерывное развитие и усложнение. То же и для человека, который есть только одна из форм органической жизни: предоставленное самому себе, стихийным силам природы, развитие и усложнение человека и его жизни остановиться само собой не может. Но если этот процесс усложнения сопряжен с страданием, которого человеку свойственно, естественно избегать, и если он, этот процесс, не может остановиться сам собой, то остается выбрать одно из двух: или подчиниться ему и молча переносить страдания, или же, если эти страдания станут непосильны, - то возмутиться и прибегнуть к насилию: насильственно, буде это возможно, остановить развитие духа, насилием упростить дух, слишком переразвитый, насильно удерживать его на том уровне, при котором возможно наибольшее состояние довольства и счастья на земле. Итак, насилие - явно необходимо, ибо, повторяю, возможны только два исхода: молча страдать или насильственно оттолкнуть страдание. Само оно не отойдет. Сто тысяч лет существования человечества - тому неопровержимое свидетельство.

Вы говорите: это неестественно; развитие и усложнение человеческой природы неизбежно, неудержимо должно идти вперед, ибо все, весь мир идет этим путем, и если теоретически и мыслимо, что одна часть этого мира - человек - выделится из этого мирового течения и в виде

исключения, силой своего хотения остановит свое усложнение, то в действительности это никогда не случится, ибо такая остановка неестественна. "И если бы (можно было бы далее сказать) я попал на острова Таити, к вашим друзьям и мне бы сказали, что человеческий дух остановился в своем развитии и держится искусственно на одном и том же уровне в неподвижном состоянии, то я бы этому не поверил, ибо почуял бы в этом фальшь, как во всем неестественном".

Да, отвечу я на это, - это верно, это неестественно. Неестественно, чтобы все человечество захотело приостановиться в своем развитии, хотя бы это развитие и сопровождалось страданием, и хотя бы самое страдание было, в свою очередь, состоянием неестественным для него. Масса человечества есть нечто слишком стихийное, слишком природное и как таковое она в своей совокупности не может захотеть остановиться в своем развитии. Для этой массы один удел: вечно усложняясь, вечно страдать. Но если такое неестественное хотение, как все неестественное, не может быть делом всего человечества, то для отдельных, исключительных единиц оно вполне возможно. Для этих отдельных единиц уже несколько не будет неестественным захотеть остановить такой мировой процесс, как развитие и усложнение, ибо нет предела в разнообразии хотений - хотя бы самых невероятных, неестественных и, по-видимому, невозможных - для отдельных личностей, и если бы отдельным лицам пришло такое желание, и если бы они обладали силой и средствами его осуществить - то оно бы и осуществилось. Неестественное, говоря парадоксом, осуществилось бы тогда естественным путем.

И это будет еще яснее на другом примере: вид сам себя уничтожить не может, для него естественно, напротив, самого себя оберегать; и человечество, как бы ему ни пришлось туго, никогда само себя не уничтожит, ибо это для него неестественно. Но отдельным лицам, отдельной секте, например, такое желание уничтожить человечество прийти может (и приходило, в Сирии например), и если бы эти люди изобрели такое средство,* (Например, "стерилизатор". Впрочем, мало ли какие еще могучие средства могут быть изобретены или изобретены, но хранятся в тайне, которые дадут отдельным лицам беспредельную власть над человечеством.) которое давало бы им возможность осуществить свое желание, то они, немногие, сделали бы то, что все человечество в своей совокупности сделать было бы не в состоянии: они истребили бы весь род человеческий.

И в этом заключается великая сила отдельных хотений, выделившихся из хаотической и стихийной массы человечества, выделенная из нее, эта обособленная воля тем и сильна и всемогуща, что она перестает быть стихийной, освобождается от законов природы, которым подчинено человечество как целое, и может повести человечество помимо этих законов, даже наперекор им. И невероятно, чтобы люди, когда они вполне сознают всю могучесть этой силы, не захотели бы когда-нибудь воспользоваться ею для улучшения условий своего земного существования, устранив главный источник всех страданий - сложность духа, а следовательно, и сложность форм жизни, сложность, вызванную, поддерживаемую и все усиливаемую процессом развития его.

Но чтобы достигнуть этого, необходимо 3 момента:

- 1) выделение отдельных, вполне однородных волей из массы человечества с его бесконечно разнородными волями,
- 2) насильственное уничтожение этих бесконечно разнородных волей, то есть уничтожение всего почти человечества,
- 3) воссоздание из немногих элементов, наиболее пассивных и подходящих, нового человечества, согласного воле выделенных из прежнего человечества личностей.

В этом - единственный выход, единственный, но и безусловно верный путь к достижению великой цели - установления счастья на земле. И я думаю, если есть небо, - то это единственный путь к водворению счастья и на небе.

Но раз осуществится неестественное, то есть остановится в своем развитии дух, раз установится счастье на земле, и это осуществится таким искусственным путем, то есть путем заговора и насилия, то оно, это счастье, как неестественное и противное природе (ибо простое счастье человеческое на земле - противно природе, вечно стремящейся к усложнению), будет непрочное и, предоставленное самому себе, легко, быстро даже разрушилось бы опять без вмешательства какой-нибудь регулирующей силы, которая поддерживала бы уровень духа и уровень счастья на постоянной, желательной высоте. А для этого эта регулирующая сила, этот регулятор должен быть некоей силой, наблюдающей человечество со стороны и, следовательно, опять-таки нечто выделенное и обособленное от человечества, и притом стоящее для более удобного его обозрения выше его, стоящее как бы на подмостках - это и есть покровители. Покровители - это регуляторы человечества, поддающие пар, когда они замечают, что уровень духа понижается, останавливающие давление его, когда этот уровень переходит за намеченную границу, словом, поддерживающие уровень духа в его неустойчивом, но необходимом для счастья равновесии.

Счастье или, проще, постоянное жизнерадостное настроение несовместимо с высоким развитием духа, с слишком деятельным умом, чересчур утонченным чувством и чрезмерно

развитым воображением. Слишком развитой дух, подобно едкой кислоте или щелочи, действует разъединяющим образом на простое счастье, и потому все это несовместимо с ним. А между тем, для регулятора, особенно такого сложного механизма, как человек, высокое развитие ума, ширина знаний, тонкость чувств являются необходимыми принадлежностями. И вот из этих двух условий: с одной стороны - необходимости регулятору стоять не только в стороне от человечества, но и выше его, дабы лучше наблюдать его, и с другой - несовместимости высокого развития духа со счастьем, вытекает необходимость полиморфизма в человечестве. С одной стороны: покровители - носители ума, с другой: друзья - носители самого счастья.

Итак: надо найти формулу счастья для человечества (например: простое детское счастье) и затем путем заговора насильственно осуществить эту формулу. Ибо человечество как целое может развиваться только естественным путем, и если это естественное развитие привело к несчастью, а в будущем приведет к еще большему несчастью, то водворение счастья на земле осуществимо только искусственным путем, то есть остановкой путем заговора и насилия его естественного развития.

Но все это осуществимо только в отдаленном будущем, когда страдания людские удвоятся, утроятся, может быть, удесятерятся; когда последние идеалы у людей исчезнут. Теперь люди еще недостаточно измучились и потому не готовы воспринять эти идеи; теперь у них есть еще идеалы, к которым реформаторы стремятся, в которые они верят; необходимы еще попытки осуществить счастье путем социализма, путем христианства (в который раз!) и, может быть, еще каким-нибудь путем; необходимо убедиться, что ни один из мыслимых путей не ведет к счастью людей, ибо ни они, таковы как они есть, не созданы для счастья, ни естественные, природные условия не созданы для счастья. Тогда только найдутся люди, которые сочтут себя вправе, и не только вправе, но и обязанными испытать новый путь, здесь предложенный, разрушить естественные условия человека и природы - условия бессмысленные и жестокие - и насильственно заменить их искусственными - более добрыми и разумными.

Но, спросят, что же делать теперь? Неужели сидеть сложа руки и наблюдать, как страдания человеческие удваиваются, утраиваются, удесятерятся?

Зачем сидеть сложа руки, много есть дела и теперь. Можно, например, работать на пользу прогресса во всех его видах, всеми мерами содействовать ускорению его и этим ускорить наступление того времени, когда бремя его станет непосильным: можно содействовать распространению просвещения, ибо это поможет людям яснее сознавать свои горести и таким образом ускорит момент, когда эти горести покажутся им невыносимыми. Более же всего старайтесь развивать в людях эстетическое чувство - это лучшее средство делать их неудовлетворенными и, следовательно, несчастными. Если же вам покажется слишком противным заниматься таким делом, сознательно работать на то, чтобы делать людей более несчастными (жизнь сама, без вашей помощи позаботится это сделать), - тогда конечно, в настоящее время, по крайней мере, остается только одно - сложивши руки, наблюдать, как назревает человеческий нарыв.

Но если с течением времени, когда нарыв достаточно созреет, найдутся люди, которые будут убеждены в истинности мыслей, развитых в этой утопии, то они могут сгруппироваться, тесно сплотиться. Добровольно применяя к себе искусственный подбор, могут они развить в своей среде, в своих потомках умственные и нравственные качества, необходимые для той великой роли, которая, может быть, выпадет на их долю, развить свой ум до степени абсолютной логичности, свои чувства до высшей честности, свою волю до непоколебимости; укрепить в себе единство мысли и воли. Они могут искать в физической и биологической природе такую силу, которая дала бы им власть над человечеством, хранить эту силу, передавая тайну ее из рода в род. Они могут поставить себе задачей изучить законы наследственности, и эта задача, над которой можно трудиться с пользой для будущего и в настоящую минуту, является одной из самых важных, которые предстоит им разрешить. Потому столь важной, что без знания законов наследственности искусственный подбор невозможен, без искусственного подбора изменение человеческой природы невозможно, без изменения человеческой природы счастье на земле невозможно. Они могут также накапливать средства, которые в свое время понадобятся для осуществления их намерений. И организовавшись таким образом, подготовившись, они могут ждать спокойно того момента, когда ход человеческих событий с несомненностью укажет им, что дальнейшее существование людей на земле может быть одним только сплошным, невыносимым мучением, когда терять человечеству будет более нечего. Тогда, покрытые броней несокрушимой силы, могут они выступить с спокойной совестью на арену и начать действовать: мощной рукой остановят они человечество в его безумном, бешеном беге вперед, уничтожат его безболезненным путем, а из остатков, тщательно подобранных, воссоздадут они на основании законов наследственности и путем искусственного подбора новую, детскую расу людей, покорных их воле и способных быть счастливыми.

Заколдованный круг (Cercle vicieux)

Но я боюсь, что читатель не убедился логическим ходом рассуждений предыдущей главы или, в лучшем случае, убедился только наполовину. Я боюсь даже, что иной невнимательный читатель придет в ужас и негодование от мыслей, в ней выраженных. "Чему учите вы, несчастный, - воскликнет он, - вы учите насилию, вы проповедуете убийство людей, и для чего ради - для достижения счастья, как будто такими безнравственными средствами возможно достигнуть такой высокой цели. Вы или безумец, или преступник, уча таким вещам".

Успокойтесь, читатель, не волнуйтесь так, отвечу я на это, я не безумец и не преступник, дело гораздо проще: вы, читатель, - невнимательный читатель, и этим все объясняется. Вы, испугавшись слов, не обратили внимания на то, что я проповедую насилие не над личностью, а над видом, уничтожение не людей, а человечества - ив этом громадная разница. Нет сомнения, что столь преступные и извращенные люди, которые способны были бы грубо насиловать и убивать людей, не были бы в состоянии, в силу именно своей преступности, извращенности и жестокости, осуществить счастье на земле. Но насильственно можно осуществить остановку прогресса в человечестве, насильственно можно пересоздать человека, не заковыывая людей в цепи, не сажая их в тюрьмы, вообще не причиняя им страданий; а уничтожить человечество можно, не прибегая к убийству единого человека, как все это вполне ясно объяснено Эзраром в его историческом очерке событий, последовавших за XIX веком.

Итак, не пугайтесь слов; если же вы невнимательно прочли сказку - прочтите ее еще раз, прежде чем критиковать ее. В ней столько необычного, что не всякий сможет сразу ее усвоить.

И если предшествовавший ход мыслей недостаточно вас убедил в необходимости насилия для осуществления счастья на земле, то постараюсь дополнить силу доказательности моих мыслей еще следующим рассуждением.

Существуют два мирозозерцания столь же древние, как и сам человек. Они резко противоречат друг другу, они даже взаимно исключают друг друга, между ними всегда происходила, как и теперь еще происходит, ожесточенная борьба, каждое из них считает себя правдой, стараясь взять верх над другим, и, несмотря на многовековую борьбу, до сих пор ни одно из них не взяло верх над другим ни на одну йоту; и неудивительно - они равносильны.

Вот эти два мирозозерцания:

I. Когда все люди сделаются подобными ангелам, то всем будет хорошо, устранился само собою все дурное, исчезнут все страдания и наступит эра счастья - рай земной. Следовательно, все усилия людей, жаждущих этогорая, должны быть направлены на нравственное усовершенствование человека, на внутренний, а не внешний мир. Как ни изменять внешние условия, но если люди останутся дурными, - все опять пойдет дурно.

II. Пока внешние условия останутся такими, какими они были и какие есть, люди не могут превратиться в ангелов и вечно будут страдать. Следовательно, все усилия людей, жаждущих увидеть счастье на земле, должны быть направлены на изменение этих внешних условий, без чего внутренние улучшения самой природы человека будут непрочно, постоянно вновь разрушаясь дурными внешними условиями.

Очевидно, оба мирозозерцания неверны или, правильнее, оба они верны, и потому, противоречая друг другу, ни то, ни другое не может вести к достижению счастья: чтобы быть подобными ангелам, действительно нужны внешние условия, этому не препятствующие, а чтобы возможны были эти условия, действительно нужно, чтобы люди были подобны ангелам, - вот заколдованный круг, cercle vicieux, в котором человечество кружится целые тысячелетия и из которого нет ему выхода.

На это можно возразить следующей аналогией: чтобы больному человеку сделаться здоровым, надо много ходить, но чтобы много ходить, надо быть здоровым, и в этом можно также усмотреть cercle vicieux и не найти выхода. А между тем, выход очень прост: пусть больной походит сначала немного, насколько позволят ему его силы, от этого его здоровье несколько поправится, и он, немного укрепившись, в следующий раз сможет пройтись больше. Это его еще больше укрепит, он сможет пройтись еще более и т. д., пока, наконец, он совсем поправится и будет в состоянии ходить много. Так и со счастьем: пусть люди немного улучшат свою природу или только немногие ее улучшат, от этого условия жизни несколько изменятся к лучшему, что будет способствовать дальнейшему улучшению человеческой природы и т. д., пока, наконец, все люди не превратятся в ангелов, а жизнь на земле не превратится в рай земной.

Но тут-то и обнаруживается вся ненадежность метода аналогии. Пока больной человек пройдет немного и этим хотя слабо, но прочно улучшит свое болезненное состояние, в это время и в ожидании следующей прогулки никакие другие условия (как это, молча, предполагается) не будут действовать в обратную сторону, то есть разрушая здоровье и уничтожая благоприятные результаты, достигнутые первой прогулкой. Но в жизни человеческой так ли это происходит? Не разрушается ли тут каждый сделанный шаг раньше, чем удастся приступить ко второму шагу?

Многовековой опыт показывает, что именно так это и происходит.

Опытов, показывающих, что это так, в истории человечества можно найти много, но самый крупный из них и, в то же время, самый убедительный - это само существование человечества, которое исчисляется учеными от 100 000 до 200 000 лет, существование, не приведшее к счастью. Неужели за сто тысяч лет человечество, делая все маленькие шаги к оздоровлению, не успело бы, наконец, совершенно выздороветь? Срок, казалось бы, достаточный, а между тем, не видно ни малейших признаков превращения людей в ангелов, никаких симптомов оздоровления человечества, а это не указывает ли на то, что если эти маленькие шаги по временам и совершались, то каждый сделанный шаг разрушался прежде, чем приступлено было к следующему. Что сказали бы вы, если бы больной человек, совершая маленькие прогулки с целью поправления своего расстроенного здоровья, стараясь продлить каждую прогулку, насколько ему позволили бы силы, если бы этот человек по прошествии года не почувствовал никакого облегчения? Вы, пожалуй, сказали бы: пусть потерпит еще, пусть продолжает свои прогулки в течение еще одного года. Но если и после этого года его силы не восстановились бы, если он продолжал этот режим 10, 20 лет и его здоровье оставалось бы все в том же положении? Вы сказали бы: человек этот неизлечим. Но человеческое оздоровление продолжается по предлагаемому вами рецепту вот уже более 100 000 лет, и если не видно никаких явных признаков его оздоровления, то не имеет ли право всякий беспристрастный наблюдатель сказать: человечество неизлечимо? Или вы предполагаете, что человечество вплоть до конца XIX века после Р. Х. не прибегало к этому способу оздоровления, и что только теперь, послушавшись вашего совета, оно начнет к нему прибегать и теперь, в недалеком будущем, достигнет исцеления. Но разумно ли такое предположение?

Итак, гигантский опыт, опыт, который продолжался более 100 000 лет, доказывает, что такой выход из вышеуказанного заколдованного круга неосуществим, и что приведенная вами аналогия больного человека, приобретающего здоровье маленькими шагами, к человечеству не применима.

Но если этот опыт, по самым своим гигантским размерам будучи не вполне ясным, как бы расплывчатым, может показаться вам недостаточно убедительным, то возьмем несколько более мелких опытов. Возьмем, например, христианские общины первых веков христианства. Вот, по-видимому, немногие люди довольно значительно улучшили условия своего существования, они устранили из своей жизни по возможности все зло. жили дружно, мирно, не завидуя друг другу, не злобствуя друг на друга, а напротив, помогая и любя один другого и были довольно счастливы, главным образом, правда, счастливы надеждой вскоре быть еще гораздо более счастливыми. Но вот под влиянием неблагоприятных внешних условий общины эти распались, исчезли, прошел век, другой, третий, и что же мы видим, какой результат получился от этого маленького шага вперед, какие он оставил следы в смысле увеличения счастья человеческого на земле? Хитер будет тот, кто отыщет такие следы: все расплылось бесследно.

Или возьмите другой пример - таитян. Все прежние путешественники в один голос описывают эти островки как земной рай, они не находят достаточно слов, чтобы изобразить то счастье, среди которого протекала жизнь людей-детей в этом земном раю. И что же осталось от этого рая, когда в него вступили европейцы? - одни печальные развалины, завитые, как плющом, грустными воспоминаниями. Вот опять был сделан шаг к оздоровлению, к водворению счастья и опять неблагоприятные внешние условия разрушили все достигнутые результаты бесследно.

Возьмите иезуитское царство в Парагвае, которое тоже представляло из себя нечто вроде рая земного, или первобытных жителей Перу, мирное, благоденственное житие которых так сильно поразило грубых испанцев-завоевателей; куда все это делось? Укажите, где сохранились хотя бы самые слабые следы всех этих попыток к оздоровлению, попыток выйти из-под власти жестокосердного, бессмысленного, стихийного закона, толкающего человечество не к счастью, а к какому-то прогрессу.

И таких примеров можно привести много. Ограничусь еще одним - из ближайшего времени. Роберт Оуэн в начале прошлого столетия заявил: дайте мне каких угодно дурных и испорченных людей, и я берусь, поставив их в хорошие условия существования, превратить в людей образцовых. И он посвятил всю свою энергию и практичность, весь свой ум, все свое состояние на осуществление этой идеи и действительно достиг немалых результатов. И что же - теперь от всего этого не осталось более и следа, люди его страны чувствуют себя столь же несчастными, даже более несчастными, чем тогда. Вот опять маленький шаг, результаты которого, так сказать, растаяли в массе неблагоприятных условий, который пропал бесследно.

Зачем бесследно, скажете вы, это так только вам кажется, на самом же деле этот шаг, как и все остальные, вами приведенные, оставили, я в этом убежден, свой след, имели результат, который проявляется, может быть, там, где вы этого вовсе и не ожидаете, почему вы и не видите этих результатов. Так, например, деятельность Оуэна имела, наверное, влияние на многих современников его, она может быть, играла не малую роль в том факте, что рабочие в Англии живут теперь в лучших помещениях, имеют лучшую одежду, питаются лучше. Вот вам и шаг, сделанный вперед к выздоровлению, к водворению счастья. И вообще, разве люди не лучше

живут теперь, чем прежде, и разве не есть это доказательство, что все эти маленькие шаги к улучшению не пропадали даром, не расплывались, как вы утверждаете?

О да, скажу я вам на это, я не сомневаюсь, что рабочие в Англии лучше живут, лучше едят и одеваются, чем во времена Оуэна, и что вообще люди теперь живут лучше, чем прежде, это несомненно, но прошу вас: не смешивайте понятий. Я ведь не отрицаю, что прогресс существует, что он летит даже на всех парах, что в силу этого прогресса строения стали лучше, пища тоже, одежда стала и лучше и дешевле, средства сообщения, освещение - все стало лучше; я только спрашиваю: стали ли от этого всего люди счастливее, не чувствуют ли они себя даже более несчастными, чем прежде? А ведь в этом вся суть. Что толку, если простой американский рабочий ходит в пиджаке и крахмальной рубашке с шелковым галстуком, три раза в день обедает настоящим обедом, живет в доме иногда с электрическим освещением и всегда с ковром на полу, когда он, быть может, чувствует себя гораздо несчастнее, чем русский пахарь XVII-XVIII столетия, живший в простой избе, освещенной лучиной, одевался в самотканую сермягу и питался щами да кашей, но жил в мягкой атмосфере "мира", окруженный духом справедливости, кротости и милосердия, жил по-божески, довольный судьбой, не стремясь к лучшему, но и не опасаясь худшего, и был, может быть, во много раз счастливее теперешнего американского или английского рабочего. Вот где корень вопроса. Принесли ли эти маленькие шаги увеличение счастья или нет, или они даже, может быть, принесли увеличение несчастья? И я отвечаю, что они счастья не принесли, а что они или пропали бесследно, или вызвали прогресс, принесший несчастье, трудность жизни, недовольство судьбой, что результат их не +, а или 0, или даже -, и тогда к чему все это электричество, все эти телеграфы и телефоны, все эти пиджаки и обеды? Люди чувствуют себя все так же несчастными, как и прежде - даже более. Но ведь это, скажете вы, одно только ваше личное мнение. Да, это мое личное мнение, основанное на личных наблюдениях как в Европе, так и в Америке; но если вы мне не доверяете, то я приведу вам мнение человека, наверное, в 10 раз образованнее меня, многократно умнее, талантливее и наблюдательнее меня, и поставленного в неизмеримо лучшие условия для наблюдений, чем я. Человек этот - Спенсер. Вот что он говорит:*(*H. Spencer. Essays scientific, political and speculative vol. III. From freedom to bondage.*)

"В те времена, когда люди были совершенно лишены политической свободы, редко раздавались жалобы на их притесненное положение; после того же, как свободные учреждения в Англии получили такое развитие, что им стали завидовать все другие народы, жалобы на господство аристократического режима стали раздаваться все сильнее и сильнее, что повело к значительному расширению народных прав, и что же? - это имело последствием лишь новые жалобы и дальнейшие требования расширения свободы. - Если проследить положение женщин, начиная от дикарей, где они одни принуждены были исполнять все работы, а в пищу получали только то, что оставалось после мужчин, переходя через средние века, когда женщина была нечто вроде прислуги мужчин, вплоть до наших дней, где дамам всюду уступается первое место, то мы увидим, что при самом худшем их положении они мало им тяготились; теперь же, когда положение их лучше, чем когда-либо, жалобы на тягость этого положения с каждым днем раздаются все сильнее и сильнее, причем самые громкие крики исходят из "женского рая" - Америки. - То же относительно образования: несколько поколений тому назад грамотность была распространена только среди высшего и среднего классов, и мысль, что образование надо дать и простому народу никому не приходила в голову, или если она и высказывалась, то подвергалась всеобщему осмеянию; когда же школы распространились всюду, дешевые народные издания стали печататься в изобилии, начались крики, что народ погибает от невежества. - И то же самое мы наблюдаем относительно пищи, жилища, одежды и вообще удобств жизни. Большой прогресс замечается, сравнивая то время, когда основой пищи большинства поселян служил ячменный и ржаной хлеб, с теперешним, когда пшеничный хлеб получил всеобщее распространение, то время, когда одежда ограничивалась грубой курткой, оставлявшей ноги голыми, с теперешним, когда рабочий, не отличаясь в этом от хозяев, покрывает все тело двумя или несколькими слоями материи; или, сравнивая старину, когда жилищем служила хижина в одну комнату, без трубы, с XV столетием, когда даже обыкновенный дворянин жил нередко в нештукатуренных домах и, наконец, с настоящим столетием, когда все дома более чем в одну комнату, а дома ремесленников обыкновенно в несколько комнат, все снабжены печами, трубами и застекленными окнами и по большей части с обоями и крашеными дверьми; повторяю, прогресс в условиях жизни значительный. И этот прогресс еще более обозначается в последнее время. Всякий, кто может припомнить время за 60 лет тому назад, когда бедность была значительно больше, чем теперь, и нищие попадались в изобилии, будет поражен переменой к лучшему, сказавшейся и в увеличении заработка, и в удешевлении многих предметов необходимости или комфорта, и в распределении налогов, часть которых от низших классов перешла к высшим. И несмотря на то, что прогресс как в образовании, так и в условиях материальной жизни теперь идет вперед быстрее, чем когда-либо раньше, что уменьшение смертности, увеличение долголетия, которое одно уже служит доказательством всеобщего улучшения, несмотря на все это, все громче и громче раздаются крики, что зло так велико, что ничто, кроме социального переворота, не может его исправить. В

этом случае, как и в ранее приведенных, мы замечаем, что в той же мере, в какой зло уменьшается, жалобы на него увеличиваются".

И как общий вывод он прибавляет: "Замечательно, что чем более положение вещей улучшается, тем жалобы на дурные стороны этого положения становятся громче".

Вывод этот, мрачный, трагический смысл которого ускользнул от внимания самого Спенсера, имеет великое значение. В самом деле, если только не допустить, что человечество, развиваясь в одном направлении от начала вплоть до настоящего времени, вдруг с этой минуты начнет развиваться по совершенно другому направлению, то мы вправе сказать наверняка, что лет через 100 или 200 явится новый Спенсер, который скажет: замечательно, что люди XIX века, которые лишены были того и другого, у которых третье и десятое было в очень малой степени, не жаловались на это или жаловались мало, но теперь, когда у них все это имеется в изобилии, раздаются все громче и громче крики, что их положение невыносимо, что они так несчастны, как никогда. И он мог бы повернуть этот вывод в обратную сторону и с таким же правом сказать: "Замечательно, что чем положение вещей проще и сами люди проще, тем более они довольны своим положением". А что это значит?

О, это значит очень многое! Это значит, что прогресс не приносит с собой счастья, это значит, что природа человеческая несовместима с счастьем, что сложность духа есть главный источник страданий; это значит, что человек прогресса действительно не столько счастлив тем, что он имеет, сколько несчастлив тем, чего не имеет. И это также значит, что маленькие шаги к улучшению здоровья человечества действительно расплываются в смысле его оздоровления, и вместо здоровья, то есть счастья, они приносят лишь усложнение - источник новых несчастий, что болезнь человечества неизлечима; это значит, что превращение людей в ангелов невозможно, ибо внешние условия существования человечества тому препятствуют, и что, с другой стороны, истинное улучшение внешних условий (ни электричество, ни пиджаки и проч. нельзя считать таковыми) тоже невозможно, ибо люди не ангелы, те же условия, улучшение которых достижимо, не содействуют превращению их в ангелов. Одним словом, это означает, что действительно существует тот ужасный заколдованный круг, в котором человечеству суждено вращаться, как белке в колесе, и чтобы высвободить эту несчастную белку, необходимо разломать это колесо, необходимо разорвать этот заколдованный круг, необходимо насилие. Сам он не разорвется никогда: дурные люди всегда будут разрушать всякий шаг к улучшению условий их существования, а дурные условия существования всегда будут разрушать всякий шаг к улучшению людей. Так это было в течение 100 000 лет, так это будет и дальше. Разве только допустить, что отныне все пойдет совершенно иначе - что будет явным безумием.

Итак, выхода из заколдованного круга нет. И не будет! Не будет, доколе не совершится то, что изображено в моей сказке- утопии. Только тогда, когда из среды стихийного человечества выделится кучка людей, вне и выше его стоящая, прочно организованная, с единой волей, и она найдет силу, которая даст ей возможность по ее доброму хотению и верному разумению вести человечество ко благу помимо его ведения или даже наперекор ему, только тогда будет разорван этот *cercle vicieux*.

Но для этого необходимо насилие.

Старый рецепт, воскликнет кто-нибудь из читателей: вгонять дубинкой в рай.

Ничего, читатель, не смущайтесь этим. Пусть рецепт стар, пусть он написан на толстой синеватой бумаге, с неровными краями, старинным средневековым почерком: старый рецепт, подобно старому другу, иногда лучше новых двух. И не все ли вам равно, как попасть в рай? Ведь важно то, чтобы попасть в него, а не то, каким путем это совершится: по старому ли рецепту или по новому. И не лучше ли потихоньку быть вогнанным в рай дубинкой, чем мучиться в аду без дубинки?

И этот рецепт раз уже чуть-чуть было не сослужил службы человечеству, чуть-чуть не исцелил его от его хронического недуга - страдания. Я имею в виду католичество или, точнее говоря, - иезуитское общество. Это общество - небольшая кучка смелых и отборно умных людей, задалось когда-то грандиозной задачей завоевать все человечество, забрать его бесконтрольно в свои руки от первого до последнего с целью повести его в рай земной - и, между прочим, и в небесный. Как очень умные люди, они понимали, что счастье человеческое возможно только при одном условии: полном единении воли, желаний и действий. Пока каждый будет тянуть в свою сторону и предлагать всем добровольно принять свой рецепт исцеления, ни один рецепт не может быть принят всеми. Они поняли, что при отсутствии такого единения отдельные, частные движения, парализуя друг друга, не могут повести к одному общему движению по направлению к счастью, а следовательно, и само счастье невозможно. И вот они сговорились силой уничтожить единоличные и друг друга уничтожающие воли и дружно, единомысленно и единовластно потянуть все человечество по одному направлению - в рай. Дубинка, которой они пользовались, порой, правда, превращалась в целую дубину, и они порой уж очень больно ею били, но в те времена и прадеды наши обладали спинами пошире наших, и их иногда спасали такие героические приемы лекарств, от которых нам бы несдобровать.

Как бы то ни было, но никогда еще, ни в один период человеческой истории не задавались люди такой величественной, такой грандиозной задачей, которую некогда преследовали иезуиты, и было время, когда они стояли близко к осуществлению своей цели. И, быть может, надо жалеть, что они ее не достигли, ибо я очень склонен думать, что если бы программа иезуитов осуществилась во всей своей целостности, то я, который теперь мучаюсь и страдаю, и многочисленные люди, которых и вижу вокруг себя мучающимися и страдающими, были бы счастливыми существами. И я имею некоторое основание так думать, ибо в одном, по крайней мере, случае, где иезуитам не мешали действовать, где они со всей последовательностью, во всей полноте могли осуществлять свои идеи в течение более столетия - в Парагвае, они вполне достигли своей цели: устроили большую многомиллионную группу вполне счастливых людей - вогнали их дубинкой в рай.* (Какой другой рецепт, спрашиваю я вас, читатель, когда-либо осуществлял подобное?) Даже такой отъявленный и пристрастный враг иезуитов, как Griesinger, принужден был это признать. Правда, Griesinger, подобно всем теперешним людям, живущим под гипнозом идеи прогресса и свободы, с иронией отзывается об этом счастье, ибо иезуиты в своем парагвайском царстве уничтожили все фетиши современных людей, уничтожили всякую свободу, всякое просвещение, всякий прогресс, заменив все это одним и только одним - счастьем. Но Гризингер этому последнему не придает особой цены, он не променял бы и один золотник свободы за целый пуд счастья.

Бедные, безумные люди! на что она им, эта свобода, на что просвещение, цивилизация, прогресс, на что все это без счастья!

Ах! умные, прозорливые были люди эти - иезуиты. Если бы только они могли смотреть на вещи немного шире, не задумываясь отдал бы я себя в их руки: берите, дескать, и ведите меня прямо к счастью. Ничего другого от жизни я ведь не ищу.

И это наводит меня на странную мысль: я бы не удивился, если бы моя утопия осуществилась не кем иным, как этим самым обществом иезуитов.

Скажу даже более: если бы я был человеком со средствами, то я отправился бы прямо в Рим, к генералу этого ордена и изложил бы ему свои взгляды. Если их цель действительно счастье людей на земле - то они выслушали бы меня с интересом и со вниманием, и если они все еще состоят из тех отборно умных людей, какими они были в прежнее время, то они поняли бы, что их прежнее орудие - религиозное чувство и предрассудки, не может при изменившихся условиях быть более действенным, что оно затупилось и должно быть заменено новым, более действенным и более непосредственным. Поток скептицизма прорвал плотину, и не зачинить ее гнилыми досками.

И тогда, кто знает, быть может, нашли бы они нужным организовать в своей среде особое тайное общество, тайное даже для самих своих собратьев иезуитов, силами, средствами и влиянием которых оно бы воспользовалось для осуществления великой утопии - рая земного. Из этого ядра впоследствии естественно развилось бы тогда общество обновителей человечества и далее... покровителей его.

Материя и дух

Можно себе представить, что все материальное в человеке будет все более и более ослабляться, отходить на задний план, а духовное выдвигаться на передний. Если человек каменного века жил на 90% материальными интересами и только на 10% духовными, и если допустить, что мы, образованные, живем теперь на 50% теми и другими интересами, то можно себе представить будущего человека, у которого материальная, чувственная жизнь займет лишь 10%, а все остальные 90% отойдут на область духа, на интересы духовные.

Конечно это возможно, мыслимо, но, во-первых, вероятно ли это и, во-вторых, желательно ли оно?

Разительных фактов, которые делали бы это вероятным, в истории человечества не видно. Переберите все, что вам известно из жизни древней истории, начиная с арийцев, древних индусов и древних египтян, и постарайтесь восстановить в своем воображении тогдашних людей, постарайтесь представить себе, что они думали, чувствовали и желали, и сравните это с тем, что теперешние люди думают, чувствуют и желают, и вы едва ли в состоянии будете с положительностью утверждать, что такое постоянное, непрерывное изменение природы людей, в смысле преобладания в них духа над материей, есть основной мотив в истории человеческой расы. И уже этот самый факт невозможности показать, что это так, сильно говорит в пользу того, что это не так; ибо если бы такое одухотворение действительно имело место, то факты истории с большей или меньшей ясностью располагались бы именно в этом смысле; оно, это одухотворение, сразу бросалось бы тогда в глаза, оно неизбежно и невольно выступало бы на поверхность истории человечества, как масло неизбежно подымается на поверхность воды.

На самом деле факты однако располагаются, скорее, в обратном порядке.

Сравните, например, век Сократа с нашим. Прочтите какое-нибудь хорошее описание жизни Сократа и его современников, и вы, к удивлению своему, увидите, что более чем 2000 лет тому назад существовали совершенно те же самые люди, что и теперь, с теми же страстями, теми же чувствами, хорошими и дурными, приблизительно в одинаковой пропорции, интенсивности и разнообразии. Сходство поразительно, разница - лишь в костюмах: вместо безобразных сюртуков и штанов - красивые тоги.

Сравните, например, древних римлян времен республики, их гордое благородство, их безупречную честность, их высокое чувство справедливости, чувство долга, способность жертвовать всем, кроме чести, для величия своего отечества - с низкими, подлыми, развращенными римлянами времен Нерона. Сравните этих древних римлян с теперешними римлянами или с другими современными нациями. Возьмите, например, чудный эпизод борьбы римлян с сабинянами (если не ошибаюсь) и сравните его с подобным же эпизодом в борьбе американцев с филиппинцами и посмотрите, какая громадная разница между обоими. Вот эти два эпизода, совершившиеся на расстоянии более 20 веков один от другого:

Римляне в войне с сабинянами долго осаждали один город и не могли его взять.	Американцы в войне с филиппинцами долго не могли захватить в плен вождя их Агвинальдо.
Однажды из этого города явился в римский лагерь школьный учитель и предложил римлянам предательски ввести их в город.	Однажды в американский лагерь явилось доверенное лицо Агвинальдо и предложило американцам поведи их вместо, где он скрывался и предательски схватить его.
Полководец пришел в негодование от такого предложения и заявил, что римляне побеждают своих врагов храбростью, а не предательством и изменой.	Американский полководец пришел в восторг от такого предложения и заявил, что готов принять участие в их предательстве.
Затем он послал его назад в город с связанными за спиной руками и в сопровождении детей, которые всю дорогу били его розгами.	Он послал отряд солдат, часть которых проникла к не приятелю под видом пленных и таким образом овладела Агвинальдо.
Предатель был таким образом жестоко наказан.	Предатели и их сообщники были награждены деньгами и чинами.
И весь римский народ радовался и гордился таким поступком своего вождя.	И весь американский народ с президентом во главе радовался и гордился таким поступком.

Сравните эти два эпизода* (*Есть ли первый из них действительность или легенда - это различия в данном случае не составляет.*) и скажите, когда люди были более одухотворены, менее материальны, за несколько ли сот лет до Р. Х. или в 1901 году после Р. Х.? Припомните Фабия Максима, который для блага своей страны назначил диктатором своего злейшего, смертельного врага Папириуса Курсора, добровольно став его подчиненным. Припомните Регула, который был освобожден карфагенянами из плена и отправлен в Рим, чтобы он уговорил сенат прекратить войну, но с которого взято было слово, что если это ему не удастся, то он вернется назад. И он явился в сенат, уговорил последний продолжать войну и, несмотря на слезы своих близких, знавших, что его ожидает, вернулся в Карфаген, где и был зверски умерщвлен. Кто из политических людей теперешнего времени способен на такие поступки? Кто назначил бы своего злейшего врага - я уж не говорю своим начальником, - но хотя бы своим подчиненным? Сравните это древнее величие духа с каким-нибудь Чемберленом, натравливающим могущественную многомиллионную нацию на маленький слабый народец в южной Африке, имея в виду, что этим он и члены его семьи, обладающие паями в фабриках, изготавливающих военную амуницию, могут нажиться, и рассчитывая ценою целых потоков еле? и крови обогатить себя и нескольких своих друзей-капиталистов золотыми и алмазными копиями Трансваала.

Или возьмите индусов: многие считают, и не без основания, что степень одухотворения у древних индусов была гораздо большая, чем у современных обитателей этой страны, и уж, во всяком случае, едва ли она была ниже, чем у типичных представителей нашего, так называемого материального века - англосаксов. А ведь их разделяет 5, 6, может быть 10 000 лет! Возьмите древних евреев с их величественными пророками, проповедовавшими такую чистую, возвышенную этику, что самому Иисусу Христу (тоже ведь еврей!) мало что оставалось к этому добавить, и сравните их с теперешними жидками - ростовщиками и развратителями рода человеческого. Тогда - Илия, Исая, Иисус Христос, теперь - Ротшильд и Ко. Тогда - страстное стремление к правде и справедливости, теперь - к золоту и бриллиантам.

Или, если взять более близкие сроки, сравните русского крестьянина времен господства режима "мира", так много содействовавшего проявлению духа справедливости, с теперешним нравственно

распущенным сельским населением. Сравните, например, людей образованных 30-х и 40-х годов, описанных у Григоровича ("Проселочные дороги"), с нашими конца XIX века; я встречал их всех, этих героев Григоровича, в своей жизни среди моих знакомых, но какая разница! Вес они оказываются черствее, эгоистичнее, жаднее, менее благородными, мелочнее, неумолимо к своим ближним и снисходительнее к своим собственным недостаткам, все они, одним словом, стали более материальными, менее одухотворенными, Сравните парижских лореток времен Врсанжс. как весело и мило живших со студентами в качестве их маленьких временных женок, не думая ни о каких выгодах, с теперешними женщинами того же порядка, грубо продающими свое тело по часам с платою вперед. И подобных фактов в истории разных народов и разных времен можно найти массу, целый большой том мог бы быть ими наполнен.

Я не хочу, однако, этим утверждать, что одухотворение человека идет в обратном направлении, так сказать вспять (хотя многое говорит в пользу этого), я хочу только показать, что нет в истории человечества разительных фактов, доказывающих, что это одухотворение имеет правильное поступательное движение. Можно подобрать факты и за и против, и все они одинаково будут неубедительны, да и трудно судить о состоянии духа народов отдаленной древности.

Но насколько можно судить по имеющимся очень недостаточным источникам о состоянии духа разных народов, степень одухотворения человека, по-видимому, все та же, что теперь, что 100, или 200, или 2000 лет тому назад. Меняются формы, но люди существенно не меняются. Как везде и во все времена встречаются люди очень высокого роста - великаны; и очень маленькие люди - карлики, большинство же людей ни очень велики, ни очень малы, а среднего роста; точно так же везде и во все времена попадают в небольшом числе очень хорошие и очень дурные люди, большинство же всегда было и всегда будет ни хорошими и ни дурными, ни очень материальными, ни очень одухотворенными.

Итак, прогресс в этом смысле, в смысле одухотворения человека, не может считаться явным.

Но желателен ли он?

И тут мы опять встречаемся с одной из тех общепризнанных идей-аксиом, не требующих доказательств, о которых я упомянул в первой главе. Идея эта - желательность возможно большего одухотворения человеческой природы. Кто сомневается в том, что духовная сторона человека выше материальной, что духовные наслаждения чище, благороднее, возвышеннее материальных, кто не считает это за несомненную истину? И если это так, то получается такой логический вывод, считающийся также несомненным, что понижение в человеке его материальной природы и возвышение духовной, то есть одухотворение человека, есть идеал, к которому должно стремиться, и что чем более в человеке дух будет преобладать над телом, тем лучше.

Но верно ли все это? Верно ли, что дух выше, чище, так сказать, благороднее материи, той материи, сущности которой мы даже не знаем, которая и сама-то, может быть, есть не что иное, как одно из проявлений духа? Никогда, нигде, ни в одной религии, ни в одной философии не встречал я доказательств сколько-нибудь серьезных, что дух выше матери, объяснений, почему это должно считаться именно так. Положение это утверждается - и только, оно принимается как аксиома, не требующая доказательств.

Говорят иногда: жизнь здесь, на земле, среди материи, есть лишь временная и очень даже кратковременная в сравнении с жизнью в другом, духовном мире, и потому мы будто бы должны презирать материю и предпочитать ей все духовное. Но когда мы отправляемся в театр, то наше пребывание там тоже лишь временное и очень кратковременное в сравнении с остальной земной жизнью нашей; но разве это есть причина, чтобы мы с презрением отвернулись от красивого зрелища или интересного, хотя и кратковременного представления? Мы наслаждаемся, сидя в театре, и мысль о кратковременности этого наслаждения несколько не мешает нам предаваться ему.

Говорят еще: материя и все материальное есть лишь иллюзия, что реальное в одном только духовном, и потому, будто бы, мы должны предпочитать духовное материальному. Но не всякая иллюзия есть непременно по этому самому нечто худшее, чем реальное. Она может быть и одинаково хороша, и даже лучше. Вы сидите, например, в театре и любуетесь чудной феерией, представляемой на сцене - все в ней иллюзия, но попробуйте пойти на сцену и посмотреть на эту самую феерию со сцены, так сказать сзади, вы увидите тогда не иллюзию, а реальность, но что это будет за реальность! красивые деревья и ландшафты окажутся не чем иным, как неправильно сколоченными досками с натянутой на них парусиной, грязной, в дырах, с облупившейся краской, наложенной грубыми мазками, красивые лица нимф окажутся уродами, нежный румянец на их щеках - безобразными красными пятнами, и т. д. и т. д. Лучше часа два насладиться иллюзией хорошей феерии (а жизнь моих "друзей" разве не феерия), чем всю жизнь просидеть за реальными кулисами. А что ручается нам за то, что реальность мира лучше его иллюзии?

Но если даже допустить, что за кулисами земного мира жить очень приятно и хорошо, что там ждут нас одни только великие радости, то я все-таки не вижу причины, почему, очутившись в партере, и прежде, чем перейти за кулисы, не насладиться часа 2 или 3 красивой феерией, хотя бы и кратковременной и иллюзорной, почему закрывать на нее глаза, почему осуждать ее и

сидеть насупившись? Вы скажете: кто не закроет глаз, кто будет смотреть на эту феерию и наслаждаться ею - тот не попадет за кулисы или, если и попадет, то режиссеры будут там его мучить, посадят в темный карцер. - За что?!! Я этому не верю!! Не без добрых людей среди и режиссеров, не все же они злодеи!

Можно еще сказать: духовные наслаждения безгранично разнообразны, они захватывают обширные сферы нашего сознания, они более продолжительны; чувственные - скорее исчерпываются и не могут быть ни так продолжены, как первые, ни так часто повторены, их сфера узка, они не в состоянии вызвать вибрации стольких фибр нашего сознания, как высшие, интеллектуальные наслаждения. Таким образом, совокупность духовных наслаждений - наслаждений, доставляемых, например, наукой и искусством, познанием и порывами творчества, проявлениями любви и дружбы, чувством долга, способны доставить нам большую сумму радостей, чем совокупность чувственных наслаждений, то есть наслаждения, который дают нам еда, питье, сон, половые отношения, тепло, свет, краски, звуки, запахи, купанье, движение, отдых и проч. и проч.; и что поэтому первые мы должны предпочитать вторым и ставить их выше, как два рубля мы предпочитаем одному рублю.

Вот основание, которое еще наиболее разумно из всех, ибо оно основано на расчете. Но и тут правильность сравнительной оценки может еще подлежать критике: есть ли тут в самом деле два рубля вместо одного или это тот же рубль, но размененный на гривенники и потому кажущийся больше - это не совсем ясно. Во всяком случае, это наиболее разумное основание. Но бойтесь его, не прельщайтесь кажущейся его разумностью, это ловушка, и горе вам, если вы в нее попадетесь!

Я ведь не отрицаю, что все вышеупомянутые наслаждения, которые дает нам дух, очень ценны и желательны, я готов даже, пожалуй (чтобы не спорить), допустить, что в общей сумме они ценнее тех, которые может дать материя (хотя не надо забывать, что последние несомненно интенсивнее, ярче первых), и поэтому в теории с этим можно, пожалуй, согласиться; но на практике, как это часто бывает с теориями, это оказывается безусловно ложным. В самом деле, подумайте только, что нужно, чтобы вы могли наслаждаться наукой, познанием, творчеством, поэзией, живописью, наслаждаться сознанием пользы, приносимой вами как хороший медик, воспитатель, правитель, писатель? Для этого необходимы книги и, следовательно, писчебумажные фабрики и типографии, необходимы научные приборы и, следовательно, механические мастерские, их изготавливающие, машины, рудники, каменноугольные копи и рудокопы, необходимы обширные дома и, следовательно, каменоломни, телеграфы, железные дороги, школы, партии и, следовательно, борьба между ними, известный процент преступлений и, следовательно, тюрьмы и полиция, - одним словом, необходима вся та бесконечно сложная цивилизация и культура, которые существуют теперь, необходим и неизбежен тогда и прогресс всего этого; необходимо, другими словами, человечеству запрячься в ту тяжелую колесницу, которую я описал в первой главе и, что есть мочи, мучаясь, потая, страдая, надрываясь, тащить ее под палящими лучами солнца вверх в крутую гору, все выше и выше, не переставая. Вот что означает эта теория в применении к практике, вот цена этих "высших" духовных и интеллектуальных наслаждений. Попробуйте-ка наслаждаться ими, таща на своей спине всю эту грудку заводов, рудников и каменоломен, и вы скоро устанете, как начинает уставать человечество, и закричите: Бог с ними, с этими высшими духовными наслаждениями, дайте мне лучше более простое и более легкое счастье! Вот оно, сведенное на практику, это, казавшееся сначала таким верным, основание предпочтения духа материи; не так-то он легок, этот дух, как кажется, не безвесен он, на земле он даже ох как тяжело весит! И не вправе ли я был назвать это основание ловушкой? Посмотрите, куда оно вас привело, в какую ужасную колесницу оно вас впрягло.

И это напоминает мне другую ловушку. Это напоминает мне змия в раю Адама и Евы: отведайте, сказал он им, этого плода древа познания, и очи ваши откроются, вы познаете истину и будете всеведущими, как Бог, вы будете тогда наслаждаться не тем простым материальным счастьем, каким пользуетесь теперь в раю, а познаете радости высшие, духовные и интеллектуальные. И они отведали, познали истину и доселе не перестают горько в этом раскаиваться. Но змий был коварное существо, он знал, что делает, мудрецы же, которые стараются убедить вас, что дух выше материи, не ведают, что творят - и в этом вся разница. Результат же может быть только один - горькое раскаяние.

Но пусть эта моя защита материи - бедной, оплеванной всеми - не подаст повода к недоразумениям. Я ведь не отрицаю прекрасных сторон интеллектуальных и иных духовных наслаждений, особенно тех чудных трепетаний духа, которые дает нам любовь, дружба, красота - и мои "друзья" пользуются ими в достаточной мере, - и я не проповедую, что люди должны искать одних только чувственных наслаждений и отказываться от духовных, как это может подумать (и, наверное, уже подумал) невнимательный читатель. Я только проповедую, что надо довольствоваться лишь теми наслаждениями, будь они материальные или духовные, - которые легко доступны, которые не приходится покупать слишком дорогой ценой;" я нахожу, что если уж быть расчетливым, то надо быть им до конца, не покупать наслаждений, стоящих 2 рубля, за 5

рублей.

Итак, "принято" смотреть на материю с пренебрежением или даже с презрением, или, если это не только "принято", но и обосновано доводами, то мы видели, как слабы, как малоубедительны эти доводы.

Но все это только в теории. На самом же деле, что мы видим? На самом деле мы, все люди, очень уважаем материю, мы получаем от нее большинство наших радостей - и каких еще порой сладких и ярких, - ничуть не уступающих ни по количеству, ни по разнообразию, ни по интенсивности радостям духовным, и потому все мы так сильно привязаны к материи, так все любим ее. Правда, материя есть источник и зла, и страданий, если ею не уметь пользоваться, если злоупотреблять ею; но не то же ли самое мы замечаем и в области духа, разве все духовное хорошо, разве нет и дурных, и мучительных состояний духа, и если злоупотреблять или неразумно пользоваться духовными сторонами человеческой природы, то разве и дух не является источником зла? И тот же самый довод, который вы привели в пользу предпочтения духовных наслаждений, как более богатых, разнообразных, продолжительных и в общем доставляющих большую сумму радостей, чем материальные, разве не может он быть применен и здесь, только в обратном смысле? Разве духовные страдания не доставляют в общем большую сумму мучений, нежели физические, разве они не более разнообразны, богаты и продолжительны, не более проникают ядом все человеческое существо? Разве подлая измена любимой вами жены, разрушающая всю вашу жизнь, разве низкое предательство нежно любимого вами брата, разве подлость друга, в которого вы вложили всю свою веру и преданность, которому вы готовы были помочь всеми вашими средствами и который грубо оскорбляет и унижает вас, когда вы разорены, разве все это не в стократ большее, горше, мучительнее, продолжительнее, чем любая физическая боль? И если как материя, так и дух одинаково могут являться источниками радостей и счастья, как и источниками горя и несчастья, то спрашивается, почему материю следует ставить ниже духа, стараться подавить первую ради второго? Я, по крайней мере, не умею сказать почему, и думаю, что и вы не умеете.

Человек, сотканный из нервов, должен искать счастья, главным образом, в радостном, приятном трепетании этих нервов. Неестественно и ненормально такому существу искать всего содержания жизни, всех радостей, главным образом, в трепетаниях духа. На земле это невысказано и неосуществимо. Никакие религиозные и философские системы не убедят людей отказаться от своих глубоко в природе их сидящих потребностей тела, нервы всегда возьмут свое, и потому всегда будут преодолевать на земле все эти системы. Не лучше ли поэтому, чем придумывать системы для подавления этих законных потребностей материи, чем ломать природу, придумать и осуществить такую систему земной жизни, которая давала бы естественный и безболезненный исход для этой природы?

Вы скажете: это безнравственно. Но что такое безнравственность? Не есть ли это только то, что причиняет ближнему страдание? А если это так, то все остальное нравственно, и тогда зачем же запрещать все это людям, если можно устроить так, чтобы пользование этим не причиняло никому страданий, не било бы их каждый раз дубиной по голове. Зачем быть ненужно строгим к людям и мучить их этим. Не есть ли это именно беззастенчиво?

В этом отношении с людьми - как с детьми: запрещайте детям всякую шалость, всякую живую выходку, и они на каждом шагу окажутся виновными, ежеминутно будут "грешить" и подлежать наказанию; но разрешите им совершать все, что только в пределах возможности, доведите запреты до минимума, и сразу их виновность уменьшится на громадный процент, хотя они будут поступать совершенно так же, как поступали и раньше.

Ясно: виновность их была вызвана не ими, а вами, чересчур к ним требовательными. Так и с людьми: дайте им 20 заповедей, и они будут грешить 17 раз в день, дайте им только 5 заповедей, и они, оставаясь теми же самими, будут грешить только 2 раза в день; требуйте от людей одухотворения в размере 90%, и материальная природа их сделает то, что они окажутся греховными в размере 80%, убавьте требования, разрешите им быть одухотворенными лишь в размере 25%, и их греховность сразу упадет с 80 на 15%. Вы, например, запрещаете людям даже смотреть на красивую женщину с чувством вожелания, вы считаете это грехом, и большим грехом, и что же: люди ваши на каждом шагу грешат в этом отношении, прелюбы сотворяют; "друзьям" не только не запрещено смотреть, но им свободно дозволено совершать даже и самые поступки, и, о чудо! - друзья прелюбы не сотворяют.

Будем же здесь, на земле, предаваться всем радостям, всем наслаждениям, какие может предоставить нам материя, как это и подобает существам, гораздо более материальным, чем духовным, и для этого устроим земную жизнь так, чтобы это было возможно безнаказанно; а когда помрем, и окажется, что мы будем еще существовать в другом мире, но уже не как материальные, а как духовные существа, то будем и там наслаждаться уже другими, уже исключительно духовными радостями, как подобает духам.

Разве это не разумно, разве это не логично, разве это не хорошо?!

И не только это лучше, не только разумнее, чем точка зрения поклонников духа, но это и добрее,

а следовательно, и нравственнее; ибо доброта и нравственность - синонимы, как синонимы - жестокость и безнравственность.

Вы расставляете перед человечеством всякие блага земные, вы раскладываете перед ним самые соблазнительные наслаждения и затем, подведя к ним людей, спрашиваете:

- Нравится?

- О, что за прелесть! восклицают они.

- Желаете всем этим насладиться?

- О да, да, о как хочется!

- Так вот что: видите эту дубину? Если только кто-нибудь из вас дотронется до этого, то я, что есть мочи, тресну того по голове.

И некоторые (о, очень немногие) так пугаются этой дубины, что только смотрят с грустью на все эти расставленные перед ними и разукрашенные цветами воображения (какая утонченная жестокость!) прелести; большинство же людей не в силах утерпеть и с мучительным страхом протягивают к ним руки и, не успев даже вкусить, получают удар дубиной по голове. Ну, не злодей ли вы?!

Не так поступают мои покровители. Подведя людей ко всем этим соблазнам, они говорят:

- Нравится ли все это вам?

- О да, да! восклицают они.

- Так берите и наслаждайтесь.

Но стойте! воскликнете вы, что вы делаете! Ведь это же во вред им самим, они увлекутся, потеряют меру и повредят своему телу и духу, а со временем они и вовсе превратятся в зверей, облика человеческого не останется на них, и неразумные покровители ваши, желая им добра, на самом деле принесут им страшный, непоправимый вред.

Успокойтесь читатель, покровители мои разумнее, чем вы думаете и, несмотря на то, что они не всемогущи, сумели обойти это затруднение. При вашем "естественном порядке" (на самом деле это естественный беспорядок), действительно, все это было бы так, и это и есть одна из тех дубин, которыми природа трескает людей по голове. Но покровители заменили естественный беспорядок искусственным порядком, они поняли, что люди не могут сами управлять собою, они взяли это на себя и, как добрые родители, тщательно наблюдают за каждым шагом своих дорогих детей, направляют их жизнь, советуют им остановиться во время, когда злоупотребление благами может причинить им вред, отвлекают их внимание, любовно и убедительно просят их, а если кто их не послушается, то они делают заметку в своих записных книжках, и такому человеку, переходящему меру и непослушному, не дают плодиться. Таким безболезненным путем, без насилия, незаметно для самих людей, путем искусственного подбора поддерживают они ту степень умеренности и самообладания, которая необходима для сохранения тела и духа в равновесии.

Более того, этим же искусственным подбором они стараются продлить их наслаждения, производя породу, способную без вреда для себя предаваться им в большей мере, чем прежде. Природа учит нас, что это возможно, что пределы, в которых наслаждения допустимы без вреда для организма, очень растяжимы. Возьмите, например, половые наслаждения: собака предается им 2 раза в год, человек 2 раза в неделю, петух по 10 раз в день. И видя это, и будучи не злодеями, а добрыми существами, покровители так видоизменили организацию людей, что они без вреда для себя пользуются этими наслаждениями ежедневно.

Ну скажите, читатель, вы, имеющий здравый смысл и логику в голове и нравственное чутье в сердце, скажите, не добрее ли это, не нравственнее ли это, чем трескать дубиной по голове?